

«ВОСПИТАНИЕ ЛЬВОВ»: ШАРЛЬ МАССОН – ГУВЕРНЕР

В середине декабря 1796 г. Россию под конвоем навсегда покинул Шарль Франсуа Филибер Массон: со смертью Екатерины II закончилось и десятилетнее пребывание в ее империи одного из самых известных учителей-иностранцев. А начиналось оно весьма многообещающе: приехав в конце 1786 г. в Россию в возрасте 25 лет, Массон по протекции своего старшего брата, уже состоявшего на русской военной службе, через несколько месяцев получил должность наставника в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. В начале 1789 г. Массон был рекомендован президенту Военной коллегии, главному воспитателю великих князей Александра и Константина Павловичей Н.И. Салтыкову в качестве секретаря и гувернера его собственных сыновей¹.

Для Массона это был не первый педагогический опыт. До прибытия в Россию он уже служил домашним учителем в Пруссии и был автором новаторской для того времени методики обучения географии, которую составил для сына графа Лендорфа: дабы сделать изучение этого предмета более эффективным и интересным, Массон рифмовал географические понятия и названия. В 1787 г. он напечатал соответствующее пособие в Берлине, затем – в Швейцарии, а в 1789 г. – в Петербурге, в Типографии Кадетского корпуса под вычурным, по моде того времени, названием «Памятный курс географии, или Легкий и приятный способ читать карты, воспитывая при этом вкус молодых людей». Петербургское издание представляло собой брошюру в 48 страниц *in quatro*. Предисловие написал преподаватель изящной словесности в корпусе и друг Массона – Кюине д’Орбейль, который отметил, что пособие использовалось также в учебных заведениях Берлина. В доказательство ценности данного сочинения был приведен положи-

* Наталья Юрьевна Воцинская, кандидат исторических наук.

¹ Подробнее о биографии Массона см.: *Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand, servant de réponse à Mr. de Kotzebue, et de supplément aux Mémoires secrets sur la Russie*. Coblenz, 1802. P. 29–49, 275–328; *Массон III*. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 5–14; *Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIX siècle*. P., 1873. P. 1316; *La Grande Encyclopédie*. P., 1885–1891. T. 23. P. 378; *Les Français en Russie au siècle des Lumières/ Sous dir. de A. Mezin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011.*

тельный отзыв на него в *La Gazette Littéraire de Berlin* за 1787 г., а завершалось предисловие призывом к кадетам пользоваться этим пособием и неизменным «реверансом» в адрес «августейшей государыни»².

Предисловие самого автора позволяет составить представление о преподавательском «кредо» Массона, которым он, безусловно, руководствовался и при обучении Салтыковых. Автор предупреждает, что пособие является прежде всего руководством для учителя, а не учебником для ребенка, тем более для ребенка совсем маленького, склонного к автоматическому запоминанию. И далее Массон делится своей собственной «методикой», по которой он учил Лендорфа: вначале ученик твердо заучивал бессистемно представленные географические названия (при этом Массон неоднократно подчеркивает необходимость отслеживать их правильное произнесение), затем он разворачивал перед ребенком карту, и они вместе читали стихи и искали те объекты, которые только что были упомянуты в двустишии. Для лучшего запоминания и расширения кругозора ученика Массон тут же связывал объект с другими (например, от столицы, названной учеником, переходил к перечислению городов, провинций и т.д. той же страны). По словам автора, методика очень хорошо себя зарекомендовала: в 9 лет Лендорф свободно читал все эти стихи и показывал на карте все упоминаемые в них объекты, а главное – отвечал на задаваемые ему вопросы, что исключало предположение о механическом запоминании. Массон был категорическим противником простой зубрежки: «Недостаточно того, чтобы дети знали и повторяли эти стихи, как это делали бы попугай или как их обыкновенно и заставляют заучивать и повторять...». В то же время, он настаивал на том, что заучивание наизусть и повторение, как производные от чтения, необходимы, ибо развивают память и обогащают знания. Однако француз был явно недоволен тем, как это происходило в его эпоху: «Каждый день детей заставляют заучивать скверно подобранные басни и роли из комедий, из которых они мало что запоминают; их время и память могли бы использовать гораздо лучше, если бы к стремлению научить их правильному произношению и привить им вкус к словесности прибавлялось еще и желание научить их необходимым вещам». А география, по мнению Массона, необходима не только мальчикам, но и «барышням». Заметим, что вне стен некоторых частных пансионных или элитных учебных заведений, вроде Смольного института, где география входила в план обучения девочек

² *Masson Ch.F.Ph.* Cours mémorial de géographie, ou Méthode facile et agréable de faire l'inspection des Cartes, en formant le goût des jeunes gens. A l'usage du Corps Impérial des Cadets Nobles. St. Pétersbourg, de l'imprimerie du Corps, 1789. Préface. Страницы не проставлены.

с 9 лет, эта наука не всегда признавалась необходимой для будущих хранительниц дворянских и мещанских очагов.

Кроме того, Массон явно опережал свой век, стремясь сделать изучение любой науки не только полезным, но и интересным: «в привязке» к любому географическому понятию он рекомендовал учителю рассказывать ребенку какие-либо интересные «истории», учитывая особенности детской любознательности и психики: «Всегда надо помнить о необходимости развлекать и привлекать ускользящее воображение детей удивительными и доступными их пониманию рассказами, приличествующими случаю, вкусу и знаниям учителя или следующими за вопросами ученика»³.

Сам Массон в примечаниях предложил «прибавления», которые мог использовать учитель в своих объяснениях и которые условно можно разделить на следующие категории: сухие данные о географическом объекте; история объекта; любопытные сведения о климате, флоре и фауне; мифы; библейские сюжеты; обычаи и религии народов; устаревшие представления об устройстве мира; упоминания о новейших научных открытиях; апелляция к недавним для читателей событиям XVIII в. и даже современности; курьезы, призванные привлечь внимание ребенка. Здесь есть и сугубо педагогические советы, как, например, предостережение от злоупотребления «детским» языком, чем грешит в целом хорошая немецкая литература для детей («необходимо не столько опускаться до уровня ребенка, сколько поднимать его до нашего»); или вновь повторенная рекомендация привлекать побольше любопытных и поражающих воображение ребенка историй, тогда тот не забудет и «скучные» факты⁴.

При этом автор оставался верен гуманистическим и просветительским взглядам, столь ярко проявившимся в его знаменитых «Записках». Следуя передовым тогда тенденциям педагогики, требовавшим от наставника не только учить, но и воспитывать, в своих примечаниях он, к примеру, рекомендует при освещении вопроса работорговли, затронутого в основном тексте пособия⁵, пробуждать в ученике чувство сострадания и осознание того, что европейцы в этом отношении ведут себя по-варварски⁶. Каким образом, преподавая географию будущим крепостникам Салтыковым, Массон обходил вопрос о положении рус-

³ Ibid. Avertissement. Страницы не проставлены.

⁴ Ibid. P. 32, 48.

⁵ Là s'étendent au loin les côtes de Guinée, / Où des vaisseaux d'Europe arrivent chaque année : / Et c'est là qu'exerçant un commerce honteux / On vend la liberté des nègres malheureux. – Ibid. P. 22.

⁶ Ibid. P. 44.

ских крестьян, остается только догадываться. В своих знаменитых «Секретных записках о России», впервые изданных в 1800 г., он почти приравнял его к положению черных рабов. Однако можно с уверенностью предположить, что наставник был не столь категоричен в своих оценках, занимаясь с русскими учениками, как он это позволил себе, уже находясь вне России. Салтыков-старший едва ли потерпел бы излишне «либеральное» воспитание сыновей.

Массон, выходец из протестантской среды и дитя своего века, был ярким противником религиозных суеверий, излишней набожности и ратовал за развитие и распространение научного, а не религиозного знания. Это он продемонстрировал и в «Курсе географии», где отметил, что «сейчас, как правило, стремятся объяснять самые великие чудеса природными и физическими явлениями»⁷. Однако он оговаривался, что следует учитывать требуемый родителями объем преподавания священной истории в каждом индивидуальном случае, и добавлял, что при необходимости все можно объяснить Провидением.

Основной, зарифмованный текст пособия разделен на пять частей. В первой вводятся общие понятия: что такое море, пролив, вулкан, равнина и т.д. В следующих четырех дается зарифмованное описание континентов, включая сведения о политическом устройстве стран, об их пределах в сравнении с прошлыми периодами, о природных богатствах, о настоящих и бывших правителях.

Эта методика, безусловно, была тогда «новым словом» в подходе к обучению, не отличавшемся большим разнообразием и очень часто тяготевшем к тяжеловесным, традиционным методам преподавания, предполагавшем утомительное однообразие бесконечных повторений, зазубриваний и переписываний. При всей увлеченности людей XVIII в. педагогическими теориями и стремлении к изменениям в подходах к образованию и воспитанию на практике все новое довольно тяжело пробивало себе дорогу, увязая в застарелых привычках преподавателей и их приверженности «проверенным» методам⁸. «Мнемоническая» методика Массона на этом фоне выделялась нетрадиционностью подхода, что доказывает не только наличие у него определенного таланта преподавателя, но и его неформальное отношение к этому занятию, желание привить ученикам не только знания, но и интерес к предмету. Его пример доказывает, что стремление родителей найти «зрелого» и «опытного» преподавателя не всегда было оправданным: энтузиазм и

⁷ Masson Ch.F.Ph. Cours mémorial. P. 39.

⁸ Подробнее см.: Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l'époque des Lumières. // Cahiers du Monde russe. 2005. 46/3 Juillet-septembre. P. 473–527.

стремление молодых педагогов хорошо зарекомендовать себя в глазах родителей зачастую были более полезны их детям.

Время показало, что у прусской семьи сохранились хорошие впечатления от наставника: после неожиданного изгнания из России именно в поместье графа Лендорфа Массон жил в течение нескольких месяцев. Именно здесь он и написал скандальные «Секретные записки о России», где, помимо прочего, охарактеризовал и систему образования в Российской империи. Такое отношение составило резкий контраст с тем, как повели себя родители его русских воспитанников в критический момент. Впрочем, и в Европе того времени «цивилизованное» отношение к учителям не было всеобщим правилом.

До наступления такого момента – немилости Павла I, ставшей причиной изгнания из России братьев Массон, – у Шарля складывались хорошие отношения и с сыновьями Салтыкова⁹, и с их отцом, при котором он одновременно состоял секретарем и адъютантом. У Массона в целом сохранились хорошие воспоминания о своем начальнике: в «Секретных записках» он опустил характеристику Салтыкова, заменив ее рядом отточий¹⁰, что составляет редкое исключение для автора, известного весьма нелицеприятными отзывами о екатерининских вельможах. Вполне вероятно, этот пропуск в мемуарах объясняется нежеланием Массона из каких-либо «конъюнктурных» соображений критиковать своего бывшего начальника.

Впрочем, в другом месте Массон ехидно замечает о Салтыкове, что «основными обязанностями главного воспитателя великих князей было оберегать их от сквозняков и засорения желудка»¹¹. В этом резком, даже издевательском высказывании Массона можно усмотреть и недовольство подчиненного, выполнявшего больше работы и за меньшее вознаграждение, чем его начальник, который только курировал работу команды учителей и воспитателей, в то время как основное бремя лежало на его подчиненных. Кроме того, Массону, с рождения впитавшему протестантскую этику, выросшему в Швейцарии и начавшему свою преподавательскую деятельность в протестантских семьях, был, видимо, чужд такой поверхностный подход к воспитанию детей и к своим обязанностям в целом.

Однако работа в доме Салтыкова все же не была лишена и слож-

⁹ При вступлении Массона в должность братьям Салтыковым камер-юнкерам Дмитрию, Александру и Сергею было 22, 14 и 12 лет соответственно. Вероятнее всего, основными учениками француза были двое младших детей; для старшего, женившегося в 1794 г., период обучения в целом уже был пройден.

¹⁰ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. P., 1800–1804. T. 1. P. 283.*

¹¹ *Ibid. T. 2. P. 163.*

ностей, каковые для Массона создавала, в частности, супруга генерала, Н.В. Салтыкова (урожденная княжна Долгорукая), которую автор «Секретных записок», не называя по имени, но делая вполне прозрачные намеки, причисляет к тем своим недоброжелателям, чьи наветы могли повлечь за собой его высылку из России: «Она ненавидела меня по своему невежеству и предрассудкам более, чем по какой-либо другой причине», так как была «врагом любого мыслящего человека и всякого просвещения»¹².

Об опасности подобной ситуации, когда родители придерживаются различных мнений как о принципах воспитания и образования детей, так и о личности приставленного к ним гувернера, предупреждал русский просветитель Н.И. Новиков, стоявший у истоков появления в России литературы и журналов для детей и юношества. Особое внимание он уделял «воспитанию» родителей, считая делом первостепенной важности распространение передовых педагогических знаний среди образованной части дворянства, чьи дети и являлись главным объектом приложения «модной» идеи XVIII в. о воспитании «добропорядочных граждан и верных подданных». Одна из наиболее подробных статей Новикова на эту тему – «О воспитании и наставлении детей» в журнале «Прибавление к Московским ведомостям» (1783–1784). В ней Новиков широко использовал идеи признанных авторитетов того времени Локка и Руссо, а также некоторых немецких педагогов.

Автор рассматривает три основных элемента воспитания ребенка, известные тогда всему просвещенному миру: «воспитание физическое», «образование сердца» и «образование разума»¹³. Среди главных препятствий в «добром» воспитании Новиков называет неподобающее отношение в семье к наставникам и подкрепляет это примерами из жизни русского общества, когда родители не обеспечивают учителей всем необходимым для преподавания, нарушают условия оплаты и содержания наставника, унижительно обращаются с ним и т.д.¹⁴ Эти свидетельства современника подтверждаются и документами, которые показывают, что со свободными гувернерами-иностранцами в России иногда обращались как с крепостными. Здесь часто к конфликту интересов добавлялся конфликт разных культур и различия в менталитете: русские дворяне подчас считали, что заключенный договор с гувернером ставит его в полную от них зависимость, а иностранец полагал, что вправе требовать судебного решения возникших споров, а не насильственных действий¹⁵. Нотки оскорбленного достоинства от грубого

¹² Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand. P. 301.

¹³ Новиков Н.И. О воспитании и наставлении детей // Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 423.

¹⁴ Там же. С. 430–433.

¹⁵ См.: Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2003. Вып. 5. С. 30–55.

выдворения из России и унижающего отношения со стороны русских звучат на протяжении всего рассказа Массона об его высылке¹⁶.

Столь же опасными для «сердца» воспитанника являются противоречия между родителями и наставником, а также внутри родительской пары, «когда главные особы, занимающиеся образованием дитяти, различаются друг от друга мыслями, мнениями, намерениями и положениями и сие различие в присутствии детей открывают» и «когда за одно дело отец его хулит, а мать хвалит; или учитель хвалит, а родители бранят»¹⁷.

Неизвестно, насколько острым был конфликт Массона с Салтыковой и насколько ее неприязнь к нему повлияла на ее детей. Судя по тому, что Салтыковы-младшие любили своего учителя (Массон утверждает, что «стал им другом»¹⁸), а их отец не увольнял его, генерал был им доволен. Видимо, до определенного момента мнение супруги, «несмотря на то влияние, которое она оказывала на мужа»¹⁹, не имело для Салтыкова принципиального значения: все-таки в организации образования мальчиков матери обычно играли второстепенную роль. Это подтверждает и сам француз, говоря о Салтыкове как человеке, «которого я слишком уважал, чтобы считать способным на какое-либо серьезное действие по ее наущению»²⁰.

Однако, когда над Массоном сгустились тучи гнева Павла I и он обратился за помощью к своему начальнику, тот расписался в своей беспомощности: «Довольно того, что император вас подозревает и не доверяет вам; а я, к тому же, и не могу ручаться за ваши политические взгляды»²¹. Этот ответ оскорбил Массона равнодушием человека, которому он служил 8 лет и который близко знал его. Нельзя излишне строго обвинять Салтыкова в нежелании ходатайствовать перед императором за своего подчиненного, за что можно было и самому поплатиться. Но его комментарий действительно вызывает невольное удивление и еще по одной причине: ссылка на незнание «политических взглядов» человека, который являлся наставником его сыновей, выглядит довольно странно и свидетельствует либо о легкомыслии, проявленном Салтыковым при «подборе кадров», либо о его лицемерии, либо о безразличии к политическим пристрастиям своего подчиненного.

Павел I придерживался иного мнения об этом французе, и оно

¹⁶ *Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand. P. 275–328.*

¹⁷ *Новиков Н.И. Указ. соч. С. 500, 501.*

¹⁸ *Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand. P. 32.*

¹⁹ *Ibid. P. 301.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid. P. 295.*

мало отличалось от того мнения, что он составил о французской нации в целом. В отличие от Салтыкова император считал влияние Массона на сыновей генерала пагубным, в частности на старшего, который не слишком низко кланялся Павлу, за что тот однажды сделал шуточный выговор его отцу: «Молодой Салтыков явно выстроен по массонову проекту» (каламбур, завязанный на французский омофон *la maçonnerie* – «строительные работы; каменная кладка») ²². Сыновья Салтыкова, видимо, и впрямь недолюбливали Павла и всячески избегали встреч с ним до того, как их перевели со службы «при комнате императрицы» к «комнате» ее сына ²³.

Самого же Массона возмущало, когда кто-либо, по невежеству или из-за личных комплексов, ставил под сомнение результаты его педагогических усилий. Упомянув о недовольстве Павла I тем, что старший из сыновей Салтыкова давал императору «слишком остроумные и слишком философские ответы», Массон заметил, что «менее подозрительный государь смог бы оценить это как достоинство» ²⁴. Что же касается Салтыковой, то она, писал Массон, «должна была бы уважать меня и даже более того, если бы как мать была в состоянии оценить мою работу и мое поведение» ²⁵.

Если даже влияние француза на манеры Салтыковых казалось Павлу недопустимым, то можно себе представить его отношение к Массону как к учителю его собственных сыновей, Александра и Константина. Вскоре после того, как француз попал на службу к главному воспитателю внуков Екатерины, Массон, благодаря его покровительству, был определен также учителем математики к великим князьям. В их окружении он стал вторым преподавателем – выходцем из Швейцарии после Ф.Ц. Лагарпа. Приглашая иностранных наставников для своих внуков, Екатерина, как и большинство русских дворян того времени, не прислушивалась к рекомендациям Новикова «пользоваться древними российскими добродетелями» ²⁶.

Впрочем, стать «несмысленными обезьянами» Александру и

²² *Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand. P. 281.*

²³ *Ibid. P. 35.*

²⁴ *Ibid. P. 281.*

²⁵ *Ibid. P. 301.*

²⁶ *Новиков Н.И. Вместо предисловия (журнал «Кошелек») // Указ. соч. С. 76.* Порой его критика несправедлива и приобретает карикатурные формы, как в известном «Разговоре», где отрицаются и польза европейских путешествий, и вклад французских ученых в распространение знаний о России, и ценность французской литературы. «Обидевшись» на сочинение еще одного француза, Ж. Шаппа д'Отроша, Новиков недалеко ушел от правительственного «Антидога», извращая устами пустого галломана даже очевидные вещи. – См.: *Он же. Разговор (журнал «Кошелек») // Указ. соч. С. 87–91.*

Константину не грозило: изучение языка, истории и культуры России было неотъемлемой частью образовательного плана Екатерины, который она составила для своих внуков и который распался на те же три составные части – «тело, душа, разум». Однако она четко знала, что иностранные учителя и знания о других цивилизациях наследникам монаршей фамилии, находившейся в неизбежном взаимодействии со всем миром, совершенно необходимы.

Религиозным наставником великих князей был назначен, как известно, протоиерей А. Самборский, русский по происхождению, но пропитанный «западным духом» после пребывания в Англии настолько, что консервативные церковные круги видели в нем едва ли не еретика (Массон, напротив, видел в нем прогрессивного священника). Это показывает, насколько Екатерина безразлично относилась к национальной и религиозной принадлежности учителей внуков и даже к их политическим взглядам, если они не переходили границы дозволенного в работе и общении с вверенными их заботам наследниками трона: она была прекрасно осведомлена о либеральных настроениях и пристрастиях республиканца Лагарпа, что не мешало ему оставаться при великих князьях на протяжении одиннадцати лет. Она практически не преследовала и «рядовых» наставников-французов даже после начала Французской революции до тех пор, пока они соблюдали ее условия и указы и не проявляли излишней инициативы, вроде идеи создания в 1795 г. в Москве общества взаимопомощи, при котором была бы еще и библиотека для членов этого общества²⁷. В период борьбы со всевозможными «клубами», где могли прорасти «вредоносные» всходы, посеянные во Франции, с Новиковым и масонскими ложами у русского правительства хватало забот и без французских учителей с их предполагаемыми организациями и библиотеками.

Однако существовали исключения даже для снисходительности Екатерины. В своих «Записках» в главе «Французы и швейцарцы в России»²⁸, где Массон описывает тяжелую долю граждан из «свободных» стран в самодержавном государстве, особенно в период французской «смуты», он приводит пример уже упомянутого Кюине д'Орбейля, своего друга и коллеги по Кадетскому корпусу. Тот оказался одной из первых жертв преследований еще при Екатерине (судя по приведенным фактам, в 1791 г.) за свои прореволюционные взгляды²⁹.

²⁷ Мезен А., Ржеуцкий В. Французская колония в России в XVIII в. // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.). М., 2002. С. 102.

²⁸ Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 203–227.

²⁹ Ibid. P. 208–210.

Были и другие французы – преподаватели корпуса, пострадавшие в этот же период из-за своих неблагонадежных настроений и также подвергшиеся аресту, как преподаватель французского языка и составитель учебников Ж.-Б. Модрю дю Бокаж³⁰. Иные примеры показывают, что «роялистов» и просто не разделявших революционные симпатии или умело их скрывавших не трогали.

Массону в этом смысле в России было трудно, поскольку он был сторонником революции и придерживался самых либеральных взглядов, которые входили в каждодневное противоречие с окружавшей его действительностью. Многочисленные эпизоды, которые он приводит в «Записках», показывают, насколько сложно ему было лавировать между обществом Екатерины и «малым двором» Павла, скрывать свои истинные мысли, стараться не выдать при русских придворных и французских иммигрантах своих симпатий к происходившему во Франции, понять, чего от него ждут в воспитании и обучении его подопечных. «Чувства и убеждения, которые я питал, были свойственны французу, возвращенному в горах Швейцарии и с детства преследуемому религиозным фанатизмом. <...> Я хорошо научился не выдавать при дворе моих мыслей, хотя так и не смог заставить себя высказываться против них. Скажу при этом, что ничто не может быть тяжелее для человека с принципами, чем положение, схожее с моим во времена революции»³¹.

В воспитании великих князей Массону пришлось столкнуться с целым комплексом проблем, как внешнеполитических и мировоззренческих, так и династических. Императрица полностью взяла на себя организацию воспитания и образования Александра и Константина, лишив их отца какого бы то ни было влияния на этот процесс. Не случайно в составленном ею «учебном плане» она указала, что гувернеры должны воспитывать во внуках «послушание Нам» и только «почтение к отцу и матери»³². Павел никак не мог повлиять на образование сыновей, хотя многое из того, что делала его мать в этой области, он не одобрял. Массон и Лагарп, приглашенные Екатериной, испытывали при встрече с наследником престола его глухую враждебность, которую он проявлял всеми доступными ему способами: замечаниями, унижительными придирадками, отказами в аудиенции. Как только смерть Екатерины развязала ему руки, Павел полностью сменил состав штаба своего сына, исключив из него и его секретаря, майора Массона. Лагарпа Павел впоследствии лишил пенсии³³.

³⁰ *Rjéoutski V.* Op. cit. P. 506–507.

³¹ *Masson Ch.F.Ph.* Lettres d'un Français à un Allemand. P. 300.

³² *Rey M.-P.* Alexandre Ier. P., 2009. P. 47.

³³ *Мадаруга И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 911.

Этот конфликт интересов сказывался и на учителях, и на самих великих князьях, «разрываемых» между двумя абсолютно разными укладами жизни и разными мировоззрениями. Учителям, особенно Лагарпу, приходилось «маневрировать» не только между Екатериной и Павлом, но и между долгом преподавать наследникам русского престола право и историю, которая была полна событий, фактов и примеров, противоречивших укладу страны великих князей. Нелегким делом было и освещение европейского XVIII в. с его просветительскими идеями, не все из которых были приемлемы для «внушения» внукам императрицы. В этом смысле Массону было легче, чем Лагарпу: математика – все-таки предмет точный, далекий от философско-исторических экскурсов и нежелательных параллелей. Ведь даже преподавание географии в России представляло для Массона определенное насилие над его мировоззрением. В своих «Записках» он с возмущением восклицает: «Когда же перестанут относить к цивилизованным народам тот, который выносит самодержавие? Когда же перестанем читать в немецких пособиях по географии: “В Европе существует много абсолютистских государств: Дания, Россия и др.”, словно в России правление похоже на датское?»³⁴ В бытность свою в России Массон, однако, адаптировал свою преподавательскую деятельность к окружавшим его обстоятельствам. В «Курсе географии» он, к примеру, никак не осуждал завоевательную политику России, которую позднее столь резко критиковал в «Записках», и даже сделал явный «комплимент» Екатерине, своей деятельностью «оживляющей» территории империи³⁵. В примечании он также не поспешил на похвалы ей: советуя начать обзор о России с Петра I, он рекомендовал рассказать, «как женщина, сочетающая в себе достоинства героя, закончила и усовершенствовала планы великого мужа и увенчала славой свое имя, правление и свой народ»³⁶.

Можно предположить, что если даже основной текст и не претерпел изменений, продиктованных положением автора в России, то примечание было явно добавлено уже к петербургскому изданию (как и примечание, где объясняются причины переименования Яика и где в выборе лексических средств автор продемонстрировал неприятие «грабежей» «лютого Пугачева» и его «разбойников»³⁷). Косвенным подтверждением этого является хвалебный отзыв в прозе, которым

³⁴ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 36.*

³⁵ *Du sein de Pétersbourg gouvernant la Russie/ Les Czars dictent leurs loix même jusqu'en Asie/ Catherine aujourd'hui rend ces lieux florissans. – Masson Ch.F.Ph. Cours mémorial de géographie. P. 10.*

³⁶ *Ibid. P. 35*

³⁷ *Ibid. P. 14.*

был удостоен на той же странице Фридрих II, – примечание, явно оставшееся от берлинского издания; при этом никакого комментария не последовало после упоминания, например, Карла Великого или Людовика XVI. Впрочем, при всей резкой критике политики Екатерины в написанных позднее «Записках» Массон также неустанно перечислял и ее положительные качества. Но были в этом сочинении, созданном уже вне России, и мнения, прямо противоположные тому, что он высказал в примечаниях к пособию: к моменту смерти императрицы «большая часть памятников ее царствования уже походила на руины, <...> все было начато и оставлено прежде, чем окончено»³⁸ – разительный контраст с приведенной выше оценкой деятельности Екатерины, «закончившей» начатое Петром.

Судя по успехам Александра, преподавание математики французу удавалось, о чем свидетельствует записка Лагарпа Салтыкову³⁹. В целом, у Массона остались хорошие впечатления от общения с Александром: в «Записках» француз тепло отзывается о наследнике, не тая на него обиды за то, что тот не заступился перед отцом за своего учителя перед высылкой того из России⁴⁰. Александр выплатил жене своего бывшего секретаря 3000 рублей в счет его жалованья и тайно помогал оставшейся в России семье Массона, так же как и сыновья Салтыкова, которые тоже приняли посильное участие в судьбе своего бывшего учителя и в момент высылки из России⁴¹. Ученики оказались более благодарными, чем их родители.

Однако после восшествия на престол Александр I он не предпринял никаких действий по возвращению в Россию своего бывшего учителя и секретаря, который никак не мог наладить свою жизнь в Европе. Только в 1800 г., после долгих скитаний по разным странам и поисков средств к существованию, Массон получил разрешение вернуться во Францию, где в 1801 г. занял должность генерального секретаря префектуры департамента Рейн-Мозель. Помимо прочих обстоятельств, в этом Массону препятствовала та присяга на верность монархии, принести которую после казни короля российское правительство заставило всех французов, желавших остаться в Российской империи. По-видимому, ситуация Массона показывает, что это препятствие к возвращению во Францию носило отнюдь не «теоретический» харак-

³⁸ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 1. P. 102.*

³⁹ *Rey M.-P. Op. cit. P. 61.*

⁴⁰ *Masson Ch.F.Ph. Lettres d'un Français à un Allemand. P. 284.*

⁴¹ *Ibid. P. 40, 45.*

тер⁴². Массон явно ждал приглашения от Александра I, о чем неоднократно «намекал»⁴³. Но императора, видимо, оскорбило объемистое сочинение Массона, где он не только в крайне резких выражениях охарактеризовал ситуацию в России при Екатерине II и Павле I, но и обнародовал ряд личных, даже интимных, подробностей из жизни царственной семьи. Напротив, к другим своим наставникам – Лагарпу и Салтыкову – Александр сохранил признательность на всю жизнь.

В своих «Записках» Массон посвятил целую главу проблеме воспитания и образования в России⁴⁴. Он рассматривает вопросы воспитания великих князей, положение дел с образованием в русском обществе в целом, отношение к учителям, дает характеристику подрастающего поколения россиян и «обскурантистские» меры императора Павла, старавшегося оградить Россию от «пагубного» европейского влияния в сфере просвещения.

Массон высоко оценил «план учебно-воспитательной работы», составленный Екатериной для своих внуков, несмотря на то что она многое взяла у Локка и Руссо (императрица и ее оппонент Новиков читали одни и те же книги по педагогике, как и вся просвещенная Европа того времени, хотя Екатерина и признавалась в частной переписке: «особенно я не люблю Эмилевского воспитания...»⁴⁵). Но проблема с выполнением этого плана была та же, что и с «Наказом», тоже «позаимствованным», по большей части, у передовых европейских мыслителей, – исполнители не отвечали высоким требованиям поставленной перед ними задачи воспитания Александра и Константина. Однако тут Массон впадал в противоречие, подвергая критике далеко не всех наставников: нелестно отозвавшись о гувернере Александра А.Я. Протасове, которого он сравнил с «аптекарем», он в то же время положительно оценил М.Н. Муравьева и И.В. Тутолмина⁴⁶. Выбор главного учителя – Лагарпа – Массон одобрил безоговорочно, так как это, на его взгляд, «человек выдающихся достоинств», который умел не только хорошо учить, но и корректировать поведение своих подопечных, особенно Константина, с детства отличавшегося буйным нравом. На

⁴² См. об этом: *Ollivier-Chakhnovskaia J.* Les Français expulsés de l'Empire russe par l'oukase de Catherine II du 8 février 1793// *Cahiers du Monde russe.* 2005. 46/3 juillet-septembre. P. 530. Массон был обижен тем, что его, либерала, «новая» Франция лишила права «наслаждаться свободой» на родине только потому, что он вынужденно принес эту присягу, навязанную чужим правительством, и не высказался открыто в Петербурге в пользу Революции. См.: *Masson Ch.F.Ph.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 182.

⁴³ *Masson Ch.F.Ph.* Lettres d'un Français à un Allemand. P. 40, 326.

⁴⁴ *Masson Ch.F.Ph.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 157–200.

⁴⁵ *Мадаруаза И.* де. Указ. соч. С. 37.

⁴⁶ *Masson Ch.F.Ph.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 163, 195–196.

основании этого Массон делал смелый вывод: «Когда-нибудь, возможно, Россия будет обязана больше Лагарпу, чем его соотечественнику Лефорту», поскольку просвещенный им Александр сделает свой народ «более свободным и счастливым»⁴⁷.

Массон довольно подробно останавливался на тех элементах воспитания великих князей, которые свидетельствовали не только об естественных чувствах Екатерины как бабушки, но и о ее государственном интересе в этом вопросе («греческий» уклон в воспитании Константина, «английский» – Александра). Здесь же Массон отмечал практически полное отлучение Павла от процесса воспитания сыновей. Это, с точки зрения автора, было им только на пользу, учитывая мировоззрение их отца, который часто спрашивал Константина о Лагарпе: «Этот якобинец все еще при вас?»⁴⁸

Подтверждал француз и всепоглощающую любовь бабушки к внукам, которая была «на вершине счастья»⁴⁹ при рождении именно мальчиков. Известно, что Екатерина, признававшаяся Гриму: «По правде говоря, я неизмеримо больше люблю мальчиков, чем девочек»⁵⁰, своих внучек оставила родителям. И дело тут не только в ее личных предпочтениях: девочки не могли составить «конкуренцию» Павлу в наследовании трона, хотя и им Екатерина отводила определенную «политическую» роль – потенциальных невест для европейских монархов. Интересно, что императрица с удовольствием отмечала «мужские» черты характера в своих внуках, словно узнавая в них себя, как это было с Марией Павловной.

Однако основным центром приложения воспитательного пыла императрицы были именно великие князья, о чем знала вся Европа. Екатерина без устали и в мельчайших подробностях информировала своих иностранных корреспондентов об успехах ее внуков, их распланировании, увлечениях и т.п., рассылала по европейским дворам эскизы придуманных ею детских костюмчиков и обещания прислать перевод ее плана воспитания. Особенно «доставалось» Гримму, который уже являлся ее «конфидентом» в отношениях с фаворитами: с такой же увлеченностью и восторгом любящей женщины она рассказывала ему в письмах о «методах воспитания» своих молодых любовников и их достижениях⁵¹. Личная жизнь молодящейся бабушки и воспитание ее внуков подчас были взаимосвязаны не только в психологическом, но

⁴⁷ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 159-160.*

⁴⁸ *Ibid. P. 168-170, 196.*

⁴⁹ *Ibid. P. 168.*

⁵⁰ *Rey M.-P. Op. cit. P. 44.*

⁵¹ *Мадаруга И. де. Указ. соч. С. 544, 568.*

и практическом плане: через Гримма в наставники к ее внукам попал Лагарп, уже побывавший в этой роли при младшем брате одного из любимых фаворитов императрицы – А.Д. Ланском⁵².

В этой связи интересно замечание Массона о том, что она, оказывается, мечтала, «как Людовик XIV, увидеть правнуков», отсюда и преждевременные, по мнению автора, браки ее внуков, по поводу которых француз сделал пророческий по своему пессимизму вывод: «Детей у них так и не появилось, и стоит опасаться, что и не будет»⁵³. Массон явно не одобрял такого раннего приобщения подростков к сексуальным отношениям, одновременно высмеивая излишне ханжеское отношение Екатерины к просвещению внуков в этой сфере, столь контрастировавшее с ее собственным поведением. Термина «сексуальное воспитание» в XVIII в. еще не было, не говоря уже о какой-либо упорядоченной, «научной» системе «передачи знаний» в этом вопросе⁵⁴. С педагогической точки зрения эта тема нечасто рассматривалась в каких-либо сочинениях. «Записки» Массона предлагают редкий опыт освещения того, как подобное воспитание осуществлялось в отношении внуков русской императрицы.

Француз положительно оценил усилия Елизаветы Петровны и Екатерины II по организации учебных заведений, в частности кадетских корпусов, программу обучения в которых Павел низвел к примитивной муштре. Смольный институт, однако, по мнению Массона, «совершенно не достигает поставленной задачи»: девочки получают здесь хорошее воспитание, но, «как только им исполняется 18 лет, их выставляют за дверь». Не приученные к жизни, «от которой они были ограждены с самого детства», они выходят в незнакомый им реальный мир, столь отличающийся от «закрытого» уклада института. Здесь они часто оказываются без родных и связей и «не знают, кем стать и что делать в жизни». Этот «монастырь» окружен казармами, и офицеры подкарауливают невинную «добычу» у ворот. По мнению французского автора, «из огромных средств, отпускаемых на их образование» следовало бы выделить некоторую сумму на приданое или содержать девушек до того момента, пока они не устроятся в жизни⁵⁵.

«Монастырское» воспитание смолянок, как и их наивные, архаичные представления о жизни и «благопристойном» поведении,

⁵² См. статью А.Строева в настоящем сборнике.

⁵³ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie*. Т. 2. P. 167–168.

⁵⁴ О сексуальной жизни, представлениях о ней и о литературе XVIII в., посвященной интимным отношениям, см.: *Corbin A. L'Harmonie des plaisirs. Les manières de jouir du siècle des Lumières à l'avènement de la sexologie*. P., 2008.

⁵⁵ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie*. Т. 2. P. 170–171.

часто становилось предметом критики и насмешек современников. Проблема «кем стать» для богатых наследниц решалась благоприятно – замужество и «служба» при дворе в качестве фрейлины; девушки из необеспеченных семей становились теми же гувернантками в богатых домах. Что касается воспитанниц, павших жертвой «коварных» офицеров, то, словно прочитав Массона, в 1919 г.⁵⁶ М. Цветаева написала стихотворение «Заря малиновые полосы...» о судьбе выпускницы института, которая «редкостным растением цвела в светлейшей из теплиц», а затем была соблазнена и брошена гусаром.

По примеру своих монархов XVIII в., все русское дворянство, писал Массон, «старалось выйти из варварского состояния», прививая своим детям иностранные науки и искусства, словно «плоды, которые они усиленно взращивали в своих зимних садах и теплицах»⁵⁷. Состоятельные русские предпочитали найти своим детям «частных гувернеров, известных и опороченных в России под названием *Outschitéli*», большинство из которых – французы или швейцарцы. Немцы-педагоги, несмотря на все положительные качества, «слишком отличаются от русских по характеру». Русские учителя – выпускники Московского университета или петербургских институтов не подходят для этого: раб может воспитать только раба. Массон высоко отзывался о роли учителей в России: частные наставники, которых «старые матроны стараются выставить опасными» (вновь намек, в том числе, и на Н.В. Салтыкову), – единственные носители просвещения в России, поскольку православные священники к этому совершенно непригодны, как и полковники, в руки которых попадает потом молодой дворянин. Именно иностранцы, от Лефорта до последнего французского клерка, научившего русского ученика спрягать несколько глаголов своего родного языка, привили русскому обществу вкус, таланты и знания. Именно иностранные учителя, включая академиков, занимались развитием литературы и науки⁵⁸.

Несмотря на эту оценку роли учителей в русском обществе, проблемой являлось то, что их положение не являлось «престижным» в дворянской среде, о чем знали иностранцы. Посланник Франции в России в 1785–1789 гг. граф Л.Ф. де Сегюр ставил в известность министра морского флота Ш. де Кастри, что «жалованье г. Мартена, консула в Москве, настолько низкое, что зарабатывать на жизнь ему приходит-

⁵⁶ Отдельные фрагменты второго, куда входит и глава «Образование», и третьего тома «Записок» Массона были опубликованы на русском языке в журнале «Голос минувшего» в 1916–1917 гг., но его замечания о Смольном институте в этой публикации были выпущены.

⁵⁷ *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie*. Т. 2. Р. 170.

⁵⁸ *Ibid.* Р. 172–173, 174.

ся в качестве учителя, то есть гувернера. Эта работа в России находится в презрении и совершенно не подобает государственному деятелю, поэтому Мартен, несмотря на свое безупречное поведение, не пользуется уважением и доверием, через что страдает и дело»⁵⁹. В мемуарах Сегюр насмешливо отзывается о неразборчивости русских в подборе гувернеров для своих детей, где, помимо объективной критики, просматривается и высокомерие человека, принадлежавшего к высшей знати и интеллектуальной элите Франции⁶⁰. Современные исследования показывают, что среди тех, кто занимался образованием русских детей, были и откровенные авантюристы, и очень хорошие специалисты⁶¹.

По свидетельству Массона, раньше в русских домах было много «учителей», дискредитировавших это звание, но ситуация со временем во многом изменилась, особенно в Петербурге, где к выбору наставников стали относиться придирчиво. Однако в провинции, отмечал француз, все еще есть родители, которые «воображают, что дают детям образование, едва услышав, что те говорят на иностранном языке»⁶². Дворяне высокого положения и достатка не вмешиваются в процесс образования своих детей («слишком невежественны сами или слишком заняты картами или интригами»), полагаясь практически полностью на наставников, которые в целом ответственно относятся к своим обязанностям, стараются наладить контакт с подопечными, привить им любовь к наукам и искусствам, как и «чувство благородства и справедливости»⁶³. В результате, воспитанник порой привязывается к своему «второму отцу», который «часто становится ему настоящим другом», больше, чем к родному, «подарившему жизнь благодаря лишь случаю, предаваясь удовольствиям»⁶⁴. Если учителю повезло с семьей, которая «не относится к наставнику как к своему первому слуге», то он может рассчитывать на пенсию или протекцию с ее стороны для продвижения по карьерной лестнице⁶⁵.

В отличие от Новикова, который неоднократно критиковал такое «чужеземное» наставничество, приводившее к массовой галломании русских и плохому знанию собственной страны, Массон приме-

⁵⁹ « Le consul de Moscou le Sieur Martin a si peu d'appointements qu'il est obligé pour vivre d'être Utchitel c'est-à-dire gouverneur d'enfants, ces sortes de places étant méprisées en Russie et ne convenant point à un homme public, Martin malgré sa bonne conduite est sans considération, et sans credit, sur (?) affaires en souffrent » - AN. F Marine. Cote B 7 457. Lettre du 15 octobre 1786. F. 1v.

⁶⁰ *Séjour L.-Ph. Mémoires ou souvenirs et anecdotes. P., 1827. T. 2. P. 290–292.*

⁶¹ *Rjéoutski V. Op. cit. P. 504–509.*

⁶² *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 174.*

⁶³ *Ibid. P. 175.*

⁶⁴ *Ibid. P. 176.*

⁶⁵ *Ibid. P. 197–198.*

нительно к России видел в этом только плюс, напрямую подтверждая опасения русского просветителя: «Практически все русские воспитываются французами и таким образом с самого детства усваивают особое расположение к этой нации; вскоре они лучше знают язык и историю этой страны, чем своей собственной, и, не имея, в общем-то, родины, обретают ее в образе Франции, заполняющем их сердца и воображение»⁶⁶. При этом узнают русские дети Францию только с лучшей стороны – как страну искусств, изящных манер, прекрасного вкуса и изысканных удовольствий, а самое главное – как источник «свободы и разума», где горит «священный огонь, от которого они однажды зажгут свой факел, призванный осветить их мрачную родину»⁶⁷. Это замечание показывает еще одно острое противоречие в системе образования подрастающего поколения русских XVIII в.: к конфликту поколений и мировоззрений, когда родители, как в случае с Салтыковой или Павлом, не воспринимали иностранных учителей новой формации, приставленных к их детям, добавлялся политический элемент, который так остро чувствовал Павел I. Воспитанники, условно говоря, Лагарпа и аббата Мангина (наставник С.С. Уварова) обладали примерно одинаково высоким уровнем образования⁶⁸; но были ли идентичными акценты, которые расставляли их учителя в преподавании одних и тех же фактов и явлений? Принимая это во внимание, легко понять жесткую позицию императора Павла по отношению ко всякому просвещению, приходившему с «французской стороны», будь то запрет на ввоз иностранных книг и газет или отзыв русских студентов из европейских университетов. Массон, будучи французом и либералом, резко осуждал эти меры «Московско-Китайского Величества», закрывавшего свою страну для европейцев. Правда, Массон не упоминал о том, что Александр I продолжил здесь политическую линию своего отца и не отменил запреты на ввоз иностранных «предосудительных» книг; в их число попали и «Записки» самого Массона.

Французские иммигранты, оказавшись в России, по словам Массона, в полной мере ощутили этот странный контраст между русским абсолютизмом и осведомленностью русской элиты об идеях Руссо и даже Мирабо, которых французские дворяне знать не желали⁶⁹. Именно с притоком убегающих от революции аристократов и священников, занимающих теперь должности наставников, Массон связывает

⁶⁶ Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. T. 2. P. 176.

⁶⁷ Ibid. P. 177.

⁶⁸ Массон отзывается о русской дворянской молодежи как о «возможно, самой образованной и философски настроенной в Европе». Ibid. P. 180.

⁶⁹ Ibid. P. 177.

«контрреволюцию», чье влияние на российское образование негативно (однако при этом ставит аббата Д.Ш. Николая в ряд достойных уважаемых учителей)⁷⁰. Автору, безусловно, ближе было время Екатерины (до казни Людовика XVI), когда в России не запрещали французских газет, при дворе свободно появлялся брат одиозного Марата (тоже, кстати, гувернер, автор грамматики французского языка, а впоследствии и профессор Царскосельского лицея⁷¹), «ученики полковника Лагарпа в царском дворце напевали гимны свободы», а «один из них носил в кармане кокарду, которую с торжествующим и издевательским видом показывал наиболее пугливым придворным»⁷². Такое «хулиганство» было вполне в духе Константина.

Эта «контрреволюция» в образовании и другие охранительные меры, впрочем, не оправдают надежд Павла: среди воспитанников французских аббатов будут как создатели «почвеннических» консервативных «триад» (в противовес «чужим», революционным), так и участники Декабрьского восстания 1825 г. Массон предсказал такой поворот событий, уповая на то неизбежное влияние, которое оказывали учителя-иностранцы на нравственность и национальный характер русских. Мало того, он считал, что и французский аристократ, занявшийся преподаванием в России, неизбежно начнет мыслить иначе: «Любой Монморанси-учитель совершенно точно становится демократом»⁷³.

Это «живительное» воздействие учителей-иностранцев на русское общество, по словам Массона, все же имело свои границы: при домашнем обучении русские дети, «самые милые и занятые в мире», обладающие поразительной восприимчивостью к обучению, порой приобретают знания «более обширные и тщательнее отобранные», чем после обучения в немецких университетах, умеют их применить, но все же это «раннее цветение, слишком часто не приносящее никаких плодов»⁷⁴. Редкие путешествия в Европу и те не дают нужного результата, поскольку потом приходится возвращаться в «варварство», в страну «деспотизма», который «требует постоянного самоотречения и даже отречения от просвещения, коему он иногда сам покровительствует»⁷⁵. Только сильные духом, не дорожащие должностями и придворными почестями смогли сопротивляться этому порядку, который «своей реакцией уничтожал все, что хотели установить гуманизм и философия».

⁷⁰ Ibid. P. 174, 180.

⁷¹ См. о нем статью Ш. Гёц в настоящем издании.

⁷² *Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie*. T. 2. P. 187, 199–200.

⁷³ Ibid. P. 181.

⁷⁴ Ibid. P. 178.

⁷⁵ Ibid. P. 179.

Ярким примером работы подобной системы стала судьба бывшего директора таможи, получившего европейское образование за государственный счет, а затем сосланного в Сибирь за обличение деспотизма, – А.Н. Радищева, чье «Путешествие» Массон читал в отрывках на русском языке. Француз довольно подробно описывает историю Радищева⁷⁶, не упоминая, однако, что Радищева вернул из ссылки именно «мракобес» Павел. В его рассказ о Радищеве попадает и И.А. Крылов, чью «Почту духов», «самое философское и едкое периодическое издание, которое когда-либо осмеливались издавать в России»⁷⁷, Массон ошибочно приписал Радищеву, и это его заблуждение продолжало бытовать на протяжении всего XIX в. Массон не мог знать, что автор этого столь понравившегося ему издания тоже не одобрял «чужеземного» наставничества, отрывавшего русских отроков от «родной почвы», в том числе и влияния Лагарпа на наследника русского престола, что отразилось в басне И.А. Крылова «Воспитание Льва».

В 1811 г. министр народного просвещения А.К. Разумовский подал Александру I записку, где указывал, что «все почти пансионы в империи содержатся иностранцами <...>. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца <...> Воспитанники их и мыслят и говорят по-иноземному...»⁷⁸. Далее предлагался ряд мер по реорганизации работы частных пансионов, среди которых было введение обязательного преподавания наук на русском языке и непременно его знание содержателями пансионов и учителями. Резолюция императора гласила: «Быть по сему».

Общие европейские тенденции оказали, конечно, влияние на анализ Массоном положения образования и воспитания в России. Но на его взгляды повлияли и его политические убеждения: резко отрицательные оценки русского самодержавия и симпатии к революции. Сочинение этого «Кюстина XVIII века», критиковавшего, впрочем, больше систему правления, чем собственно русский народ, постоянно подвергалось запретам цензуры, и только в 1870-х гг. в русских журналах стали появляться искаженные переводы и пересказы его отдельных эпизодов. В «Курсе русской истории» В.О. Ключевский упоминает это сочинение в рассказе о системе воспитания Александра I и его

⁷⁶ Ibid. P. 188-199, 200.

⁷⁷ Ibid. P. 189.

⁷⁸ О частных пансионах. Доклад министра народного просвещения графа Разумовского императору Александру I // Антология педагогической мысли России перв. пол. XIX в. М., 1987. С. 139.

жизни «на два дома»; здесь же находим и сведения об уровне оплаты домашних учителей в дворянских семьях, предоставленные Массоном, и анекдот о некоем французе, которого поразили своим доскональным знанием Парижа Д.П. Бутурлин, никогда там не бывавший, – не названным Массоном «парижанином» был А. Фортиа де Пиль⁷⁹. Вопреки царской цензуре, парадоксальным образом через сто лет продолжилось наставничество в семье Романовых изгнанного Павлом I учителя-француза: В.О. Ключевский использовал его «Записки» в преподавании истории младшему брату Николаю II, великому князю Георгию Александровичу.

⁷⁹ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. 5. С. 158–159, 188–191; Т. 9. С. 35; Masson Ch.F.Ph. Mémoires secrets sur la Russie. Т. 2. P. 197, 198; Fortia de Piles A. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790-1792. P., 1796. Т. 3. P. 342.